

·the big book·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Король Зимы

Враг Божий

Экскалибур

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

КОРОЛЬ ЗИМЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 67

Bernard Cornwell
THE WINTER KING
Copyright © 1995 by Bernard Cornwell
All rights reserved

Перевод с английского Леонида Яхнина

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

Карта выполнена Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-12891-0

© Л. Яхнин, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

«Король Зимы» — Джуди с любовью

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Агрикола — гвентский полководец, который служит королю Тевд-рику.

Амхар — незаконный сын Артура.

Анна — сестра Артура, замужем за королем Будиком Броселиандским.

Артур — незаконный сын Утера и защитник Мордреда.

Бализ — древний друид Думнонии.

Бан — король Беноика, отец Ланселота и Галахада.

Бедвин — епископ Думнонии, главный советник короля.

Блайддиг — вождь Беноика.

Борс — защитник Беноика.

Брохваэль — король Повиса в послепартуровское время.

Валерин — вождь Повиса, помолвленный с Гвиневерой.

Галахад — принц Беноика, брат Ланселота.

Гвендолен — изгнанная жена Мерлина.

Гвиллдин — плотник Инис-Видрина.

Гвиневера — принцесса Хенис-Вирена.

Герайнт — зависимый принц Думнонии, Хозяин Камней.

Горфиддид — король Повиса, отец Кунегласа и Кайнвин.

Грифид ап Аннан — капитан войска Овейна.

Гудован — писец Мерлина.

Гундлеус — король Силурии.

Дафидд ап Груффуд — переводчик истории Дерфеля.

Дерфель Кадарн — рассказчик, сакс, опекаемый Мерлином, воин Артура.

Диурнах — ирландский король Ллейна. (Эта страна раньше называлась Хенис-Вирен.)

Друидан — карлик, начальник стражи Мерлина.

Игрейна — королева Повиса, жена Брохваэля.

Игрейна Гвинеддская — мать Артура, а также Морганы, Анны и Моргаузы.

Иорвет — друид из Повиса.

Исса — один из копыеносцев Дерфеля.

Кадваллон — король Гвинедда.

Кадви — зависимый король Думнонии, охраняющий границу с Керновом.

Кай — друг детства Артура, теперь один из его воинов.

Кайнвин — принцесса Повиса, сестра Кунегласа, дочь Горфиддида.

Каледдин — давно умерший друид, рукопись которого ищет Мерлин.

Кельвин — священник, работающий в библиотеке Инис-Требса.

Кердик — король саксов.

Кулук — двоюродный брат Артура, один из его воинов.

Кунеглас — наследный принц Повиса, сын Горфиддида.

Каван — заместитель Дерфеля.

Ланваль — заместитель Артура, начальник телохранителей Гвиневеры.

Ланселот — наследный принц Беноика, сын короля Бана.

Леодеган — пленный король Хенис-Вирена, отец Гвиневеры.

Ливеллин — служащий в сокровищнице Думнонии.

Лигессак — первый начальник телохранителей Мордредра, который служит Гундлеусу.

Линет — любовница Дерфеля, позднее служанка Гвиневеры.

Лливарх — второй начальник телохранителей Мордредра.

Лохольт — незаконный сын Артура, близнец Амхара.

Лэдвис — любовница Гундлеуса.

Маэльгвин — монах в Динневраке.

Марк — король Кернова, отец Тристана.

Мелвас — король Белга, зависим от Думнонии.

Мерлин — правитель Авалона, друид.

Моргана — сестра Артура, одна из жриц Мерлина.

Моргауза — сестра Артура, жена Лота Лотианского.

Мордред — король-ребенок Думнонии, Король Зимы.

Морфанс — один из воинов Артура, прозванный Уродливым.

Мэуриг — наследный принц Гвента, сын Тевдрика.

Набур — христианский судья в Дурноварии, узаконенный охранник Мордредра.

Нимуэ — любовница Мерлина, жрица.

- Норвенна* — невестка Утера, мать Мордредра.
Овейн — великий воин Утера, военачальник Думнонии.
Пеллинор — сумасшедший король Инис-Видрина.
Ралла — жена Гвилиддина, кормилица Мордредра.
Саграмор — нумидиец, командир войска Артура.
Сарлинна — девочка, выжившая во время резни в Дартмуре.
Себила — сакская рабыня Морганы.
Сэнсам — христианский священник и епископ, настоятель монастыря в Динневраке.
Танабурс — друид Силурии.
Тевдрик — король Гвента.
Тристан — наследный принц Кернова.
Тудвал — монах-послушник в Динневраке.
Утер — король Думнонии, верховный король Британии, пендрагон¹.
Хеллед — принцесса Элмета, жена Кунегласа.
Хигвидд — слуга Артура.
Хьюэл — управляющий Мерлина.
Эйллеанн — любовница Артура, мать его сыновей-близнецов Амхара и Лохольга.
Элейна — королева Беноика, мать Ланселота.
Элла — король саксов.
Энус Макайрем — ирландский король Деметии, король черных щитов.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

- Абона** — Эйвонмут, Эйвон.
*Аква-Сулис** — Бат, Эйвон.
*Браногениум** — римская крепость, Лейнтвардин, Херефорд и Вустер.
*Бурриум** — столица Тевдрика. Уск, Гвент.
*Вента** — Винчестер, Гемпшир.
*Глевум** — Глостер.
Динневрак — монастырь в Повисе.

¹ Это слово обычно употребляется как имя собственное короля Утера, но на самом деле это титул («главный дракон») ряда кельтских королей.

- Дурновария** — Дорчестер, Дорсет.
*Дурокобривис** — Данстейбл, Бедфордшир.
*Инис-Веир** — остров Ланди.
*Инис-Видрин** — Гластонбери, Сомерсет.
*Инис-Мон** — Англии.
*Инис-Требс** — столица Беноика, Мон-Сен-Мишель, Франция.
*Иска** — Эксетер, Девон.
*Кар-Долфорвин** — королевский холм Повиса около Ньютона, Повис.
Кар-Кадарн — королевский холм Думнонии, Саут-Кэдбери-Хилл, Сомерсет.
Кар-Лад — Ладлоу, Шропшир.
Кар-Маэс — Уайтшит-Хилл, Мер, Уилтшир.
*Кар-Свос** — столица Горфиддида, Карсвос, Повис.
*Каллева** — приграничная крепость, Силчестер, Гемпшир.
*Камни** — Стоунхендж.
*Кориниум** — Сайренчестер, Глостершир.
*Коэл-Хилл** — холм Коэла, Херефорд и Вустер.
*Кунето** — Милденхолл, Уилтшир.
*Линдинис** — римский город, Илчестер, Сомерсет.
*Лугг-Вейл** — Мортимерс-Кросс, Херефорд и Вустер.
*Магнис** — римский форт, Кенчестер, Херефорд и Вустер.
*Май-Дан** — Мейден-Касл, Дорчестер, Дорсет.
*Остров Смерти** — Портланд-Билл, Дорсет.
*Ратэ** — Лестер.

* Названия мест, отмеченные звездочкой, упоминаются в исторических хрониках.

Часть первая

ДИТЯ ЗИМЫ

Глава 1

И было это в стране, которая звалась Британией. Епископ Сэнсам, благословенный среди всех святых, живых и почивших, твердит, что сии воспоминания должны быть низринуты в бездонную яму со всеми остальными мерзостями падшего человечества, ибо повествование это о канунах того несчастного времени, когда великая тьма затмила свет нашего Господа Иисуса Христа. Но это жизнь той земли, которую мы называем Ллогр, что означает «потерянные земли», история той страны, которая когда-то была нашей, но которую ныне наши враги называют Англией. Это повесть об Артуре, Полководце, Короле, которого никогда не было, Враге Божьем и, да простят меня Всевышний и епископ Сэнсам, о лучшем из всех, кого я знал в своей жизни. И о том, как мне пришлось оплакивать Артура.

Сегодня холодно. Над мертвенно-бледными холмами нависают сизые облака. Еще до наступления темноты пойдет снег, но Сэнсам наверняка откажет нам в благословенном тепле. Умерщвление плоти — удел святых. Я, конечно, стар теперь, однако Сэнсам — пусть Господь продлит его дни — все же старше, поэтому я не могу, ссылаясь на свой почтенный возраст, без позволения отпереть дровяной амбар. Я знаю, Сэнсам скажет, что наши страдания лишь малая толика тех, что претерпел Господь, и потому мы, шестеро братьев, вынуждены будем спать вполглаза и дрожать от холода, а к утру колодец замерзнет, и брату Маэльгвину придется спускаться в сруб по цепи и разбивать ледяную корку камнем, и только после этого мы сможем напиться.

И все же холод не самая худшая напасть в эту зиму — обледенелые тропы не позволят Игрейне добраться до монастыря. Игрейна — наша королева, супруга короля Брехваэля. Она смуглая и хрупкая, очень юная и неуловимо быстрая, словно солнечный луч в зимний день. Игрейна приходит сюда молиться о том, чтобы ей был дарован сын, но больше времени отдает беседам со мной, чем молитвам, обращенным к Божией Матери и ее благословенному Сыну. Она разговаривает со мной, потому что любит слушать истории об Артуре, и прошлым летом я поведал ей все, что мог вспомнить, а когда не сумел припомнить больше ничего, она принесла мне стопку пергаментных листов, сделанную из рога чернильницы и пучок гусиных перьев. На шлеме Артура тоже были гусиные перья. Эти перья для письма не так велики, не так белы, но вчера я вознес пучок перьев к зимнему небу и на какое-то восхитительно-кошунственное мгновение мне показалось, что под этим венцом из перьев я вижу его лицо. И в то же мгновение дракон и медведь рыком своим потрясли Британию, дабы ужаснуть безбожников с их языческими видениями, а я чихнул и увидел лишь зажатые в кулаке жалкие, едва пригодные для письма перья в ржавых пятнах засохшего гусиного помета. Чернила столь же плохи: просто черная жижа, смесь ламповой сажи и смолы яблони. Правда, пергаменты получше. Они выделаны из шкур ягнят еще древними римлянами и когда-то были покрыты письменами, которые никто из нас прочесть не мог, а женщины Игрейны отлично отскоблили эти шкуры и сделали их снова чистыми и годными для письма. Сэнсам ворчит, мол, было бы лучше, если бы из них сшили башмаки, но выскобленные древние шкуры слишком тонки, их нельзя тачать и латать, к тому же Сэнсам не осмелится обижать Игрейну, ибо таким образом он может потерять дружбу короля Брехваэля. Этот монастырь находится в полудне ходьбы от вражеских копыеносцев, и даже наша жалкая твердыня может соблазнить этих супостатов, понудить их перейти Черную реку, двинуться вверх к холмам и легко достичь долины Динневрак, если только воинам Брехваэля не будет приказано защищать нас. И все же мне кажется, даже желанная благосклонность Брехваэля не сможет примирить Сэнсама с мыслью, что брат Дерфель пишет

жизнь Артура, Врага Божьего, и потому нам с Игрейной приходится лгать благословенному святому и толковать ему, будто я перевожу Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на язык саксов. Благословенный святой не говорит на языке врагов и читать на нем тоже не умеет, поэтому мы сможем обманывать его достаточно долго, столько, сколько потребуется, чтобы написать эту историю.

А изворачиваться придется, и не раз, ибо прошло совсем немного времени с тех пор, как я начал писать на этих шкурах, а святой Сэнсам наведался ко мне в келью. Он встал у окна, вглядываясь в бледное небо и потирая свои иссохшие руки.

— Люблю холод, — сказал он, зная, что я-то холода не выношу.

— Больше всего он дает себя знать моей потерянной руке, — ответил я кротко.

У меня нет кисти левой руки, и вместо запястья лишь узловатый обрубок, которым я расправляю и прижимаю пергаментный свиток во время писания.

— Любая боль — лишь благое напоминание о крестных муках нашего дорогого Господа.

Других слов от епископа я и не ожидал, а он склонился над столом, взирая на то, что я пишу.

— Скажи мне, что говорят эти значки, Дерфель, — потребовал он.

— Я пишу историю рождения младенца Христа, — тут же солгал я.

Он подозрительно уставился на пергамент, затем ткнул грязным ногтем в свое собственное имя. Некоторые буквы он все же мог разобрать, а его имя, должно быть, бросалось в глаза, как черный ворон на белом снегу. Потом он тоненько захихикал, будто злобный мальчишка, и намотал клок моих седых волос на палец.

— Я не присутствовал при рождении нашего Господа, Дерфель, и все же это мое имя здесь. Ты творишь ересь, исчадие ада?

— Господин, — смиренно пробубнил я, пока он тыкал лицом моим в мое писание, — я начал запись Евангелия с того, что милостью нашего Господа Иисуса Христа и с позволения одного

из Его самых праведных святых, благословенного Сэнсама, — и тут я постепенно стал продвигать палец к его имени, — смог я занести на пергамент добрую весть о явлении в наш мир Сына Божьего.

Он потянул палец, выдрал несколько волосков из моей головы и снова отошел к окну.

— Ты — отродье саксонской блудницы, — сказал он, уходя, — а ни одному саксу никогда нельзя доверять. Будь осторожен, сакс, не раздражай меня.

— Милостивый господин, — отвечивал я ему.

Но он даже не остановился, чтобы выслушать меня. А было время, когда он предо мной преклонял колени и целовал мой меч. Но теперь он святой, а я — ничто, всего-навсего самый жалкий из всех грешников. К тому же продрогший грешник, потому что света за нашими стенами мало, кругом серо и мрачно. Очень скоро выпадет первый снег.

И был снег, когда началась история Артура. Это было целую жизнь назад, в последний год правления верховного короля Утера. Этот год, по исчислению римлян, считался 1233-м со дня основания их города, хотя мы в Британии обычно ведем начало лет от Черного года, того самого, когда римляне порубили друидов на Инис-Моне. По этому исчислению история Артура начинается в 420 году. Правда, Сэнсам, пусть Бог благословит его, числит наше время от мига рождения нашего Господа Иисуса Христа, которое, считает он, произошло за 480 зим до того, как приключилось все, о чем я поведаю. Но как бы ни считать годы, случилось это давно, в незапамятные времена, на земле, которая звалась Британией, я был там в то время. И вот как это было.

* * *

История началась с рождения.

Холодная ночь. Королевство застыло в неверном свете бледной луны.

В зале кричала Норвенна.

Кричала и кричала.

Пробило полночь. Небо было ясным, сухим и блестящим от звезд. Земля промерзла и казалась крепче железа, реки ее были

намертво схвачены льдом. Бледная луна — плохое предзнаменование, в ее зловещем свете протяженные западные земли словно обмерли в холодном мерцании. И три дня свет не струился с мрачного неба, не было и оттепели, весь мир лежал в белом безмолвии, кроме деревьев, с которых ветер сдул снег, — они зловеще чернели на фоне укрытой белым саваном земли. Наше дыхание превращалось в пар, но не отрывалось от уст, не отлетало в сторону, потому что безветрие стояло в ту ясную полночь. Земля казалась мертвой, застывшей и неподвижной, будто оставлена была Беленосом, богом солнца, и обречена вечно плыть в бесконечной холодной пустоте между мирами. И был холод, пронизывающий, мертвящий холод. Длинные сосульки свисали с карнизов большого зала Кар-Кадарна и с выгнутых аркой ворот, в которые днем, преодолевая нанесенные зимой высокие сугробы, свита верховного короля доставила принцессу — в это святилище наших правителей. Кар-Кадарн стоял на том месте, где хранился королевский камень; и это вместилище шумных собраний должно было по настоянию верховного короля стать тем единственным местом, где родится его наследник.

Норвенна закричала вновь.

Я никогда не видел рождения ребенка и никогда уже по воле Бога не увижу. Мне довелось видеть жеребенка, появившегося из чрева кобылы. Я наблюдал, как выскальзывают на свет телята, слышал тихий скулеж щенящейся суки и присутствовал при корчах рожающей кошки, но не дано мне было видеть кровь и слизь, которые неизбежно сопровождают предродовые крики женщины. А как кричала Норвенна! Хотя и старалась сдерживаться, как утверждали после женщины. Иногда пронзительные вопли умолкали, и тишина зависала над всей твердыней, и верховный король высвобождал свою тяжелую голову из густого меха и прислушивался так внимательно, словно он затаился в зарослях, а саксы совсем близко. На самом деле он вслушивался в безмолвие и надеялся, что внезапная тишина означает момент рождения и королевство вновь получит желанного наследника. Он прислушивался, и мы улавливали тяжелые хрипы, прерывистое дыхание его невестки, а потом донеслось слабое жалобное похныкивание, и верховный король оживился, будто

собрался сказать что-то, но крики снова разорвали тишину, и голова его вновь утонула в меху, лишь глаза беспокойно сверкали из-под надвинутого капюшона.

— Вы не должны быть здесь, на крепостном валу, верховный владыка, — сказал епископ Бедвин.

Утер махнул рукой в перчатке, будто позволяя Бедвину спуститься во внутренний двор, туда, где пылают костры, но сам он, верховный король, Утер, пендрагон Британии, не двинется с места. Он желал оставаться на крепостном валу Кар-Кадарна, откуда мог бы взирать на закованную льдом землю и вглядываться в серое туманное пространство, где таятся демоны, и все же Бедвин прав: верховный король не должен стоять на часах, охраняя твердыню от демонов в эту тяжкую ночь. Утер был старым и больным, однако, несмотря ни на что, безопасность королевства зависела от этого обрюзгшего, немощного тела, от его медленного, угасающего разума. Всего лишь шесть месяцев назад он был крепким и бодрым, но вдруг обрушилось на него известие о смерти наследника. Мордред — самый любимый из его сыновей и единственный, кто испытывал настоящее чувство к невестке короля, своей нареченной, был сражен широким саксонским топориком и истек кровью под холмом Белой Лошади. Эта смерть оставила королевство без наследника. А королевство без наследника — проклятое королевство, но этой ночью по воле Бога вдова Мордред родит наследника королю Утеру. Только бы это не была девочка, тогда все страдания и боль окажутся напрасными, а королевство будет обречено.

Большая голова Утера вновь высунулась из капюшона, покрытого коркой льда там, где дыхание короля касалось меха.

— Сделано все, что должно, Бедвин? — спросил Утер.

— Все, верховный владыка, все, — сказал епископ Бедвин.

Он был самым доверенным советником короля и так же, как принцесса Норвенна, — христианином. Норвенна, протестуя против того, что забирают ее из теплой римской виллы в соседнем Линдинисе, кричала в лицо свекру, что отправится в Кар-Кадарн только в том случае, если он пообещает близко не подпускать к ней ведьм, что поклоняются старым богам. Она стояла на христианских родах, и Утер, отчаянно жаждавший на-

следника, согласился. Теперь священники Бедвина пели свои молитвы в комнате рядом с залом, где была разбрызгана святая вода, над кроватью Норвенны висел крест, а другой положили под рожицу.

— Мы молимся благословенной Деве Марии, — объяснил Бедвин, — которая, не опорочив своего девственного тела соитием, стала святой матерью Христа и...

— Довольно! — прорычал Утер.

Верховный король не был христианином и не терпел тех, кто пытался обратить его в эту веру, хотя допускал, что христианский Бог может быть не менее могучим, чем большинство других божеств. Однако события этой ночи подвергли его терпимость непосильным испытаниям.

Именно поэтому я и находился здесь. Тогда я был почти ребенком, отроком на пороге возмужания, безбородым мальчишкой на посылках. Я весь продрог и припал к земле рядом с креслом короля на крепостном валу Кар-Кадарна. Я прибыл из Инис-Видрина, усадьбы Мерлина, что лежала у северного горизонта. Мне было поручено, коли прикажут, пойти и привести Моргану и ее помощниц, ожидавших в грязной лачуге свинопаса у подножия западного вала Кар-Кадарна. Принцесса Норвенна могла призвать хоть Деву Марию в повивальные бабки, это ее дело, но Утер готов был обратиться к помощи своих, старых богов, если этот новый обманет его ожидания.

И христианский Бог оказался бессилен. Крики Норвенны утихали, зато стоны и бессильный плач становились все продолжительнее. Наконец из зала вышла жена епископа Бедвина и, дрожа, опустилась на колени пред стулом верховного короля. Младенец, пролепетала Эллин, не появляется, а мать, опасается она, умирает. Утер отмахнулся от последних ее слов. Мать — ничто, важен был только ребенок, и лишь в том случае, если это мальчик.

— Верховный владыка... — прошептала Эллин, но Утер больше не слушал.

Он постучал по моей голове.

— Ступай, мальчик, — сказал он, и я, отделившись от его тени, скакнул вниз, по ту сторону крепостной стены, и помчал-

ся через залитое лунным светом пространство между постройками.

Стражники на западных воротах проводили меня глазами, а я уже скользил и падал на покато́м ледяном склоне у западной стены. Скатываясь вниз, я порвал свой плащ о березовый пенёк и напрямик влетел в торчащий из сугроба куст ежевики. Я ничего не почувствовал, кроме весомой тяжести королевского поручения, лежавшего на моих юных плечах.

— Леди Моргана! — закричал я, приблизившись к лачуге. — Леди Моргана!

Должно быть, она ждала, потому что дверь хижины немедленно распахнулась и лицо Морганы в золотой маске засияло при свете луны.

— Иди! — пронзительно крикнула она. — Иди!

И я повернулся и помчался назад вверх по склону холма, а следом за мной неслась по снегу стайка сирот Мерлина. Они тащили кухонные горшки, которые громыхали при каждом их шаге, а когда склон стал уж очень крутым, им пришлось бросать эти горшки вперед и карабкаться вверх следом за ними. Моргана медленно следовала позади в сопровождении своей рабыни Себилы, несшей амулеты и травы.

— Пусть запалят огонь, Дерфель! — прокричала мне Моргана.

— Огонь! — завопил я, едва, запыхавшийся, ворвался в ворота. — Огонь на крепостные валы! Огонь!

Епископ Бедвин запротестовал, не желая допускать Моргану, но верховный король устремил на своего советника яростный взгляд, и епископ смиренно покорился вере предков. Его священникам и монахам приказали уйти и распорядились втаскивать на крепостные валы обгорелые поленья, подсовывать горящие головни под поленницы дров и хворост, надерганный из плетней, огораживавших лепившиеся к северной стене хижины. Костры сначала тлели и трещали, а потом полыхнули в ночи яркими языками пламени, и дым повис в воздухе, плотным пологом укрывая внутренность крепости от злых духов, сбивая их с толку и преграждая путь к тому месту, где умирали принцесса и ее нерожденное дитя. Мы, молодые, носились вдоль крепостных

валов, с грохотом колотя в горшки, поднимая жуткий шум, который мог отпугнуть, пожалуй, не только злых духов.

— Кричите! — приказал я детям из Инис-Видрина, и они выбегали из каждой лачуги, добавляя свои вопли к нашим.

Стражники били древками копий по щитам, монахи без передышки подкладывали дрова в пылающие священные костры, а мы, все остальные, не умолкая, выкрикивали громкие проклятия злым духам смерти, которые под покровом ночи пытались проскользнуть к умиравшей в родовых муках Норвенне.

Моргана, Себила, Нимуэ и с ними девочка вошли в зал. Норвенна издала истошный вопль, а мы так и не поняли, были это крик протеста, направленный против вошедших женщин Мерлина, или же крик боли, которую причинял упрямый младенец, разрывавший ее тело надвое. Крики усилились, когда Моргана принялась выгонять остававшихся внутри христианских служителей. Она вышвырнула на снег оба креста и кинула в огонь пригоршню магической женской травы. Позднее Нимуэ рассказала мне, что они положили во влажную постель железные самородки, чтобы напугать и изгнать уже поселившихся здесь злых духов, и разложили вокруг головы корчившейся от боли женщины семь орлиных камней, чтобы призвать добрых духов, посланцев богов.

Себила, рабыня Морганы, положила в дверях березовую ветку, а другой размахивала над извивавшимся в конвульсиях телом принцессы. Нимуэ припала к земле у двери и мочилась на порог, отгоняя злых фей, потом она налила немного своей мочи в чашку, поднесла к кровати Норвенны и опрыскала ею солому, чтобы злыдни не смогли унести душу ребенка в момент рождения. Моргана, чья золотая маска сверкала в отблесках костра, развела руки Норвенны в стороны и с силой втиснула между грудями принцессы амулет из редкого камня — янтаря. Маленькая девочка, одна из сирот, пригретых Мерлином, в ужасе замерла у изножья кровати.

Дым от костров застилал звезды. В окрестных лесах выли звери, разбуженные шумом и криками людей, а верховный король тем временем воздевал очи к умиравшей луне и молил богов простить ему, что призвал Моргану слишком поздно. Моргана

была родной дочерью Утера, первой из четырех внебрачных детей, которых верховный король прижил от Игрейны Гвинеддской. Утер желал бы, чтобы здесь сейчас был Мерлин, но тот исчез уже несколько месяцев назад, ушел в никуда, пропал, казалось, навсегда, и Моргана, научившаяся у него своим искусствам, заменила Мерлина этой холодной ночью, в которой мы грохотали горшками, стучая их друг о друга, кричали до хрипоты, дабы выгнать злобных духов из Кар-Кадарна. Даже дряхлый Утер включился в эту суматоху, хотя глухой звук ударов его посоха о каменный выступ крепостного вала тонул в какофонии шума, грохота и криков. Епископ Бедвин стоял на коленях, истово бормоча молитвы, а его жена, изгнанная из комнаты роженицы, в голос плакала, выла и призывала милостивого христианского Бога простить языческих ведьм.

Но как раз ведьмовство и помогло: ребенок родился, вышел на свет живым.

Крик Норвенны в момент рождения был страшнее всех предыдущих. Пронзительный визг животного, отданного на заклание; стенание, которое могло заставить рыдать небо. Позже Нимуэ рассказала мне, что Моргана, не обращая внимания на вопившую от боли роженицу, сунула руку в родильный канал и силой вытянула ребенка на свет. Ребенок вышел из обессилевшей от мучений матери окровавленным, и Моргана приказала испуганной девочке поднять дитя вверх и держать, пока Нимуэ перевязывала и перекусывала пуповину. По поверью, новорожденного в первый момент должна была держать девственница, потому и взяли сюда эту маленькую девочку. Но она была так испугана, что не хотела приближаться к влажной от крови солومه, на которой теперь тяжело дышала Норвенна и лежал окровавленный, неподвижный, словно неживой, комок.

— Подними его! — властно крикнула Моргана.

Но девочка разразилась слезами, и Нимуэ пришлось самой сдернуть младенца с кровати и прочистить ему рот, чтобы в грудь новорожденного вошел первый живительный вдох.

А предзнаменования были дурными. Луна, окруженная бледным ореолом, таяла, и девственница отшатнулась от ребенка, который наконец издал громкий крик. Утер услышал этот крик,

и я близко видел его устремленные в небо глаза, когда он молился богам, чтобы даровали ему младенца-мальчика.

— Мне пойти? — нерешительно спросил епископ Бедвин.

— Иди, — резко ответил Утер.

И грузный епископ, подхватив подол своего длинного одеяния, пополз вниз по приставной деревянной лестнице, а потом долго бежал по утоптанному снегу внутреннего двора к дверям зала. Но не вошел, а постоял несколько секунд и побежал назад к крепостному валу, суматошно размахивая руками.

— Добрые известия, верховный владыка, добрые вести! — выкрикивал Бедвин, неуклюже карабкаясь вверх по лестнице. — Благие вести!

— Мальчик, — догадался Утер, словно выдохнув это долгожданное слово.

— Мальчик! — радостно подтвердил Бедвин. — Прекрасный мальчик!

Я распластался у ног верховного короля и видел, как слезы показались в его устремленных в небо глазах.

— Наследник, — удивленно проговорил Утер, будто все еще не осмеливаясь поверить, что боги были к нему благосклонны. Он смахнул слезы рукой в меховой перчатке. — Королевство спасено, Бедвин, — глухо сказал он.

— Хвала Господу, верховный владыка, оно в безопасности, — молитвенно произнес епископ.

— Мальчик, — сказал Утер, и вдруг его огромное тело содрогнулось от ужасного кашля. Справившись с приступом, он еще долго тяжело дышал. — Мальчик, — повторил он, выравнивая дыхание.

Спустя некоторое время явилась Моргана. Она ловко взобралась по приставной лестнице, с размаху упала ничком и распростерла свое плотное короткое тело перед верховным королем. Золотая маска ее поблескивала и чуть скособочилась, словно скривилась от страха и ужаса. Утер дотронулся до плеча женщины кончиком посоха.

— Встань, Моргана, — сказал он и запустил руку под свой плащ в поисках золотой броши, которой собирался наградить ее.

Но Моргана не двинулась.

— Мальчик искалечен, — зловеще произнесла она. — У него кривая нога.

Я заметил, как Бедвин испуганно начертал в воздухе крест, потому что принц-калека явился самым страшным несчастьем этой холодной, полной худших предзнаменований ночи.

— Насколько крива? — спросил Утер.

— Только ступня, — ответила Моргана резким голосом. — Вся нога не повреждена, великий владыка, но принц никогда не будет бегать.

Из глубины просторного мехового плаща послышалось мелкое хихиканье.

— Короли не бегают, Моргана, они шествуют, они восседают на троне, они ездят верхом, и они вознаграждают своих преданных и честных слуг. Возьми золото.

Он протянул ей брошь. Это был весомый, тускло поблескивавший талисман Утера — золотой дракон.

Но Моргана все еще не решалась принять дар.

— Этот мальчик — последний ребенок, которого может выносить Норвенна, верховный владыка, — предупредила она. — Мы сожгли послед и ни звука не услышали.

Послед всегда кидали в огонь, чтобы по отрывистому хлопку сгорающей плоти определить, сколько еще детей родит мать.

— Я внимательно слушала, — сказала Моргана, — он был безгласен.

— Боги желают, чтобы он молчал, — хмуро проговорил Утер. — Мой сын мертв, — мрачно продолжал он, — так кто же может дать Норвенне другого младенца?

Моргана немного помолчала.

— Вы, верховный владыка? — наконец произнесла она.

Этот полувопрос вызвал у короля смешок, он захихикал, потом зашелся смехом, который сменился мучительным приступом кашля, заставившим Утера согнуться от сильной боли в легких. Кашель утих, но тело его содрогнулось, когда он покачал головой:

— Единственной обязанностью Норвенны было разродиться сыном-мальчиком, Моргана, и это она совершила. Наша обязанность — защитить его.

— Всей мощью Думнонии, — с жаром добавил Бедвин.

— Новорожденные легко умирают, — предупредила Моргана, охладившая мрачным тоном обоих мужчин.

— Только не этот! — свирепо выдохнул Утер. — Не этот. Он придет к тебе в Инис-Видрин, и ты, Моргана, соберешь все свое умение, чтобы он жил. Возьми брошь.

Наконец Моргана приняла золотого дракона. Калека-младенец все еще плакал, его мать протяжно стонала, но вдоль крепостных валов Кар-Кадарна уже ликовали мальчишки-колотильщики и костровые, радуясь тому, что в нашем королевстве опять есть наследник. В Думнонии появился наследный принц, а рождение наследного принца означает великий пир и щедрые дары. Напитанную кровью солому с кровати роженицы вынесли из зала и кинули в пылающий костер, и огненные языки взметнулись высоко в небо. Ребенок родился; все, что ему теперь нужно, — это имя. Сомнений, какое будет имя, не было. Никаких. Утер поднялся с кресла и высился на стене Кар-Кадарна — огромный и суровый, готовый произнести имя своего новорожденного внука, имя наследника, имя наследного принца королевства. Рожденный зимой младенец будет назван именем своего отца.

Мордред — вот как его будут звать.

Глава 2

Норвенну и младенца привезли к нам в Инис-Видрин в телеге, запряженной быком. Стоя на подветренной стороне Тора, я наблюдал, как большую мать и ее ребенка-калеку понесли на холщовой подстилке вверх по тропинке к частоколу. Морозный воздух леденил легкие, и Норвенна, которую вместе со спеленатым ребенком проносили через ворота Инис-Видрина, тихо хныкала.

Вот так Мордред, наследный принц Думнонии, прибыл в королевство Мерлина.

Инис-Видрин, что значит «стеклянный остров», был не островом, а скорее выдававшимся в море высокогорным мысом, окруженным мелкими бухтами, заросшими ивами, осокой и камышом. Дичи и рыбы водилось достаточно. А в береговых карьерах добывались глина и известняк. На илистых приливных берегах были проложены деревянные колеи, на которых неосторожные путники нередко тонули, застигнутые западным ветром, гнавшим приливную волну. На западе, за протяженными зелеными полями, начинались яблоневые сады, а на севере, в заливных лугах, окаймленных холмами, паслись стада коров и овец. И сердцем этой обильной земли был Инис-Видрин.

Звалась эта страна Авалон, и правил ею Мерлин, а прежде — его отец и отец его отца. И каждый житель, будь то крепостной или раб, работал на Мерлина, давая ему богатство и свободу по-прежнему оставаться друидом. Когда-то Британия была землей друидов, но римляне истребили почти всех, и даже теперь, когда взросло два поколения без римского владычества, осталась лишь горстка старых жрецов. Христианство затопило старую

веру, как несомая ветром волна укрывает прибрежный камыш, топя его на дне — прибежище демонов.

Среди скопления поросших травой пологих холмов Тор вышался своей скалистой короной, на которой и был построен дом Мерлина. Вокруг него теснились мелкие строения, окруженные деревянным частоколом. По древним террасам, устроенным еще до прихода римлян, вилась узкая тропинка, своими сложными извилами сбивая с толку злых духов и приводя к Мерлину тех из людей, кто стремился на вершину Тора в поисках исцеления или пророчества. Зато две другие тропинки открыто сбегали по склонам Тора — на восток, к земляной насыпи, и на запад, в сторону морских ворот, к населенной рыбаками, корзинщиками и пастухами деревеньке, что притулилась у подножия холма. Эти две тропы защищались от злых духов ежедневными молитвами и колдовскими амулетами.

Моргана предпочитала западную тропу, потому что она вела не только в деревню, но и к христианскому храму. Христиане пришли в Инис-Видрин вместе с римлянами еще при прадедушке Мерлина, и с тех пор никто и ничто не могло их выжить отсюда. Мы, дети, поощряемые взрослыми, кидались в монахов камнями, швыряли комья навоза через частокол монастыря, насмехались над пилигримами, что торопливо проскальзывали в плетеные ворота к каменной церкви, построенной еще римлянами. Они поклонялись какому-то колючему кусту. Мерлин как-то высадил на Торе подобный куст, и мы, кривляясь, пели и плясали вокруг него. Христиане грозили, что нас поразит их Бог, но ничего так и не произошло. В конце концов мы сожгли наш терновник и пепел его подмешали в порослячью еду. И снова христианский Бог нас не тронул. Христиане твердили, что их терновник принес в Инис-Видрин чужеземец, который видел самого христианского Бога, прибитого гвоздями к дереву. В те далекие дни я тоже, да простит меня Господь, насмеялся над подобными рассказами. Да и теперь я знаю, что наш терновый куст вовсе не тот священный терновник, который вырос из посоха Иосифа Аримафейского, потому что еще в детстве видел, как однажды ночью монахи выкапывали засохший куст и заменяли его новым, росшим у ограды. Этот несчастный терновник постоянно

сох, отягощенный тряпочками, привязанными к нему пилигримами. И все же благодаря священному кусту монахи здорово обогащались, жирея от щедрых даров паломников.

Пользуясь благосклонностью Норвенны, монахи все чаще проникали за наш частокол и даже притаскивали своих молящихся в самое сердце твердыни Мерлина. Сама принцесса Норвенна оставалась яростной христианкой, несмотря на то что Дева Мария так и не помогла ей благополучно разрешиться от бремени. Мерлин наверняка не позволил бы вводить монахов в ограду, но его к тому времени уже больше года не было в Инис-Видрине, и жизнь наша текла без него.

Странная это была жизнь. Мерлин окружил себя целой толпой калек, уродов и бесноватых. Распорядился его домашним хозяйством карлик Друидан, который был одновременно и начальником стражи. Ростом с пятилетнего ребенка, этот карлик свирепостью превосходил всякого и рядился в ножные латы, шлем, воинский плащ и обвешивался оружием. Он исходил злобой, но мстил не судьбе, что сыграла с ним такую шутку, а тем, кто был еще слабее, — сиротам, которых Мерлин привлекал. Карлик преследовал девушек, но, когда попытался затащить в постель Нимуэ, получил хорошую трепку от Мерлина, который порвал ему уши, рассек губу и подбил оба глаза. Стражники, отданные под начало Друидану, были или хромыми, или слепыми, или просто сумасшедшими. Но никто не был настолько безумен, чтобы любить карлика.

Нимуэ, подружка и спутница моего детства, была ирландкой. А ирландцы никогда не жили под игом римлян и оттого считали себя лучшими из бриттов и позволяли себе грабить и поработать остальных обитателей нашей суши. Кабы не ужасные саксы, мы могли бы считать ирландцев худшим племенем. Нимуэ похитили во время набега Утера на ирландское поселение в Деметии, что за морем. Когда корабль с пленниками уже возвращался в Думнонию, налетел великий ураган, и погибли все, кроме Нимуэ. Говорили, что она даже вышла из моря совершенно сухой. По словам Мерлина, это был знак, что ее любит Манавидан, бог моря, хотя сама Нимуэ твердила, будто ее спасла могущественная богиня Дона. Своенравная и любознатель-

ная Нимуэ всегда поступала по-своему. Но когда минуло тринадцать лет со дня ее появления и Мерлин приказал ей лечь к нему в постель, она вдруг легко покорилась, будто всегда знала, что именно эта судьба ей уготована. Так она стала второй среди важных персон в Инис-Видрине.

Впрочем, Моргана не собиралась уступать ей первенство. Из всех странных существ, окружавших Мерлина, Моргана слыла самой уродливой. Вдова в тридцать лет, Моргана была рождения самого высокого — первая из четырех детей верховного короля Утера и Игрейны Гвинеддской. Сам Артур приходился ей братом, а при таком родстве любой мужчина готов был сразиться с силами потустороннего мира ради руки могущественной вдовы. Но, к несчастью, дом, в котором Моргана проводила свою первую брачную ночь, был охвачен пожаром. Молодой муж сгорел, а ее саму пламя изуродовало — сожрало левое ухо, выжгло левый глаз, съело волосы с левой стороны головы, искалечило левые руку и ногу. Как говорила мне Нимуэ, вся левая половина тела Морганы скукожилась, будто сгнившее яблоко. И все же эта пришлица из ночных кошмаров для Мерлина оставалась высокородной леди. Он посвятил ее в тайны предсказаний и приказал златокузнецу верховного короля выковать для нее золотую маску. В этой маске, сделанной наподобие шлема, гравированного изображениями драконов и лика рогатого бога Цернунна, покровителя Мерлина, было оставлено отверстие для ее единственного глаза и щель для искривленного рта. Златоликая Моргана, постоянно закутанная в черный плащ, в черной перчатке на левой иссохшей руке, слыла великой целительницей, обладавшей к тому же и даром предсказания. Но ко всему прочему она обладала самым ужасным характером.

Себила, рабыня Морганы, была, напротив, девушкой редкой красоты с копной светло-золотых вьющихся волос. Ее, уроженку племени саксов, захватили в плен при одном из набегов и целый сезон насиловали всем военным отрядом. В Инис-Видрине она появилась полоумной, невнятно бормочущей нищенкой, и Моргана излечила ее, вернув девушке разум. Однако так и не смогла излечить ее от страха и покорности. Бедняжка ложилась с любым, кто грозил ей, и потому рожала год за годом златовласых

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ДИТЯ ЗИМЫ	13
Часть вторая. ПРИНЦЕССА-НЕВЕСТА	87
Часть третья. ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕРЛИНА	193
Часть четвертая. ОСТРОВ СМЕРТИ	297
Часть пятая. СТЕНА ЩИТОВ	407
Послесловие	472

Корнуэлл Б.

К 67 Король Зимы : роман / Бернард Корнуэлл ; пер. с англ. Л. Яхнина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 480 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-12891-0

О короле Артуре, непобедимом вожде бриттов, на Туманном Альбионе было сложено немало героических баллад. Он успешно противостоял завоевателям-саксам, учредил рыцарский орден Круглого стола, за которым все были равны между собой. По легенде, воинской удачей Артур был обязан волшебному мечу — подарку чародея Мерлина, жреца кельтских друидов... И пусть историческая правда погребена в той давней эпохе больших перемен, великого переселения народов и стремительно зарождающихся и исчезающих царств, завеса прошлого приоткрывается перед нами силой писательского таланта Бернарда Корнуэлла.

Южной Британии в VI столетии грозило вторжение германских варваров. Артур, незаконный сын верховного короля, некогда изгнанный отцом за море, возвращается на раздираемую междоусобицами родину, которая перед лицом многочисленных врагов нуждается в союзе мелких королевств. Его может скрепить политический брак Артура с принцессой Кайнвин, но судьба распоряжается иначе...

Первый роман из трилогии о легендарном короле-полководце Артуре, проникнутый духом подлинной Истории.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ
КОРОЛЬ ЗИМЫ

Ответственный редактор Янина Жухлипа
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Татьяны Якутович
Корректор Наталья Хуторная
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.07.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 30. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-88Н-21822-82-R